

меняли продукты на сигареты, жвачку. Первые наши друзья ушли через три дня. Их место занимали новые подразделения. А по ночам моджахеды ходили по домам и забирали мальчиков: «Воевать не можешь, патроны подавать будешь!».

Это подтверждается краткой записью в рабочей тетради генерал-лейтенанта В.М.Панкратова 6 сентября 1980 года: «Гульбеддин дал лозунг: «Каждый мальчишка должен брать оружие и стрелять на дорогах – так угодно Аллаху. А что возьмёт из подбитой машины, это Аллах даст ему в подарок».

Генерал-лейтенант В.П.Черемных:

«Я служил первым заместителем начальника штаба округа. После 27 декабря 1979 года, через некоторое время, меня вызвали в Москву. Там я узнал о своем новом назначении – советником начальника Генштаба афганских вооруженных сил. Когда в феврале 1980 года я прибыл в Кабул и окунулся в изучение обстановки, причём в довольно-таки сложных условиях (антиправительственные выступления в столице), то понял: мы столкнулись с острыми противоречиями. Наши батальоны и полки втягивались в боевые действия против своей воли...».

Едва ли не в каждой российской семье, как дорогие реликвии, бережно хранятся письма с «той», теперь уже далекой войны. Письма родных и близких, не вернувшихся домой. Теперь к ним прибавились свежие, еще не пожелтевшие от времени. Чем же они отличаются? Разве что формой: там – треугольники, здесь – конверты.

А содержание, глубинная суть на удивление схожи. И те, и другие словно пропитаны трогательной заботой о мамах и папах, сестренках и братишках, бабушках и дедушках, а также страстным желанием жить. «Ждите меня – и я вернусь!» – и сквозь неторопливую вязь мальчишеских почерков и беглую россыпь торопливых строк, брошенных на бумажный лист перед походом, боем, дежурством, подобно упругим побегам пробивается эта мысль, хотя авторы не всегда выставляли ее напоказ – напротив, чаще всего тщательно маскировали. Причем, совершенно не важно, кто их писал – новобранец или ветеран, рядовой или офицер: война нивелирует чувства, обостряя главные, стирая второстепенные, хотя, впрочем, не разложить их вот так по полочкам.

Они попадали в Афганистан, как на край земли, в диковинное, экзотическое место – ведь большинство не выезжало до того времени за пределы родной области. И всему удивлялись: надрывным крикам муэдзинов, по несколько раз

в сутки сзывающих правоверных на молитву, женщинам в черном, как призраки: они ассоциировались с «духами» – чем-то бесплотным, неосоздаемым. Они заворуженно наблюдали, как горец разматывает с головы чалму: четырнадцатиметровая ткань служит ему и скатертью, и одеялом, и простыней. Им было больно смотреть на чумазых афганских мальчишек – искалеченных, с оторванной рукой или ногой. Им не было известно чувство страха и опасности: оно пришло гораздо позже, когда сами окунулись в круговерть событий.

Чуть не каждый день, а то и по несколько раз в сутки, к ним обращались афганские товарищи с просьбой разминировать дорогу или дом, поддержать «огоньком» попавшую в засаду группу, обезвредить крупную банду, терроризирующую население, захватить верблюжий караван с оружием, боеприпасами, направляющийся из Пакистана.

Наши воины мужественно и честно выполняли свой долг. Но те, кто не избежал смерти, похоронены, хотя и с почестями, но без огласки, где они погибали. Такой «несуразице», царившей в стране, нет оправдания!

Генерал-полковник Г.А.Стефановский, бывший член Военного совета Туркестанского округа, в своей книге «Пламя афганской войны» не скрывает: «Фамилии, имена и отчества обоих (погибших. - Авт.) уже замелькали в разного рода донесениях, документах и справках, а в радиозэфир две оборванные жизни пошли под мрачным кодом «ноль двадцать первый».

Через некоторое время обработают, обернут целлофаном, заварят в цинковый гроб, оставив маленькое окошечко, и обобьют досками. Пройдет прощальный траурный митинг. Боевые друзья проводят в последний путь товарища, каждый будет вспоминать, когда и при каких обстоятельствах виделся последний раз с живым старшим лейтенантом или сержантом.

Затем их погрузят в транспортный самолет. Бортмеханик осмотрит большие опечатанные деревянные ящики, со вздохом пометит что-то в бумагах и отправится к командиру экипажа докладывать, что все готово к перевозке. С этого момента самолет превращается из небесного трудяги-грузовичка в «Черный тюльпан.»* И в Союзе, на каком-либо провинциаль-

* «Черный тюльпан» – это радиопозывной. Этим позывным вызывали самолет. «Груз двести» – так по коду обозначали погибших. Гроб с телом погибшего сопровождали или тот, кто был с ним в последнем бою, или друг, или же офицер из той части, где он служил. В самолете, который отправлялся на Родину, кроме экипажа, никого не было. Самолет летел по очереди в те города, поселки и села, откуда были погибшие.